

Заматерелое зло

Добавил(а) Виктор Астафьев

12.04.10 13:37 - Последнее обновление 14.04.10 20:32

Жил да был на свете писатель Евгений Куренной. Он очень долго руководил Читинской писательской организацией, бился за ее сохранение, помогал чем мог своему немногочисленному, но провинциально вздорному коллективу. Был он человек добрый, к себе располагающий и, кроме того, слыл заядлым рыбаком, норовил зацепить на блесну непременно тайменя, частенько и залавливал.

Чистый лицом, с яблочным румянцем, телом плотный, с крепкими руками, способными не только писать, но и тяжелую работу делать, за себя постоять.

Должность его не велика, но суетная, времени много отнимающая. Поработать ему удавалось лишь в выходные дни.

И вот однажды, в пятницу, к вечеру, он приехал на свой участок, именуемый у нас всюду дачей. Домик со столом, с печкой, с лежанкой-топчаном. Словом, хоромы по достатку. Но в тихом на загляденье месте Забайкалья, вроде бы где и нет некрасивых-то мест. Приехавши на дачу, он загонял своего «жигуленка» в гараж; и машине, и гаражу было уже лет за двадцать – бегал транспорт и жив был только благодаря хорошему догляду. Я ездил с женой в отдаленный сильный совхоз и, хозяин нового тогда «жигуля», отец малого мальчика и молодой светловолосой жены, не мог налюбоваться на свою новую машину, скрыть гордость машиновладельца, все норовил он взлететь на своем боевом коне в гору, заехать в такие места, где и грузовику не пройти.

И вот загоняет он своего изношенного «жигуля» в гараж, а сзади него являются два солдата, протягивают консервную банку, просят бензина завести какой-то дизель. Женя откликнулся на просьбу без раздумий и подозрений. Открыл багажник машины и только наклонился, чтобы взять канистру, как сзади его ударили топором по голове. Он еще вскинулся, обернулся, и его рубанули второй раз.

Заматерелое зло

Добавил(а) Виктор Астафьев

12.04.10 13:37 - Последнее обновление 14.04.10 20:32

Два солдата, два дезертира, подавшись в бега, жили на дачах – тут их не найдешь. Пожили они и в домике писателя Куренного, все тут приели, припили и решили овладеть машиной хозяина – раз уж писатель, то у него и машина должна быть соответствующая, не менее чем «хонда» или «фольксваген» . Но их устроил и древний «жигуленок» , на нем они отвезли труп в ближайший лес, неглубоко прикопали и поехали колесить по земле.

Глянешь на нашу дорогу, везде менты маячат пеше и омашиненно, палками машут, но на дороге вольно и безнадзорно. Убийцы проехали всю Читинскую область на всем тут известном «жигуленке» , милиционеры тоже, видимо, думали, что писатель непременно должен ездить на иномарке.

Тем временем дома поднялась тревога, и сын Жени успокаивал мать: мол, папа у нас умеет постоять за себя и все умеет, что надо уметь мужику.

Но против подлости и сильный бессилён.

Поехали на дачу, в ней погром, и не простой погром, но с презрением ко всяким там интеллигентам, тем более писателям. На столе Жени лежала незаконченная рукопись, так два высокоумных, хорошо нашей злой действительностью подготовленных беглеца топили рукописью печку, брали с собой машинописные листы в туалет, подтирались ею, хотя там на веревочке и висел рулончик туалетной бумаги. Я вижу, явственно вижу, как они, ослабившись от удовольствия, зачитывали друг другу листы рукописи перед употреблением, шутовали небось: не каждому, мол, повезет литературным произведением задницу подтирать. Но они вот сподобились.

Их задержали уже в Иркутской области, в узком месте над Байкалом, возле туристической базы «Листвянка» . Тут много бывает иностранных туристов, и, следовательно, милиция бдит, проверяет едущий народ более внимательно.

Женя, Евгений Евстафьевич Куренной, пролежал в земле полмесяца. Подонки сразу сознались во всем, указали место «захоронения» . Но ни на суде, ни до суда ни в чем они не раскаялись, ничего особенного не переживали, угрызений совести не испытывали. Да и о чем переживать-то? Наоборот, внутреннее торжество испытывали – не кого-нибудь, но писателя угрохали, не каждому солдату так повезет.

Получая письма с угрозами выковырять мне последний зрячий глаз, уцелевший на войне, от злобствующего быдла и читая оголтелые статейки отставников в красноярской патриотической газете, самозвано поименованной народной, о том, что они, патриоты, как только вновь завладеют властью, всех неугодных им людей на

Заматерелое зло

Добавил(а) Виктор Астафьев

12.04.10 13:37 - Последнее обновление 14.04.10 20:32

лесоповал пошлют (редактор газеты – бездарный и подлый писака, оголтелый демагог – сулится лично меня наказать строго за строптивость и непочтение к нему и к коммунистам), – я ничему уже не удивляюсь. Да и как удивляться, если общество, пройдя лагерную выучку, а лагерем была вся страна, творит не просто преступления, но преступления изощренно-эстетического порядка.

Одновременно с известием о гибели забайкальского крепкого мужика и писателя Куренного пришло письмо из Ялты от моего сокурсника по Высшим литературным курсам, инвалида войны, поэта, и в письмо вложены вырезки о том, какой беспредел творится в Крыму, где много доступного по цене вина. Вином здесь, в знаменитой «Массандре», и зарплату давно уж выдают. Один обалдевший от запоев молодой человек отрубил матери голову, пришел с ней на дискотеку танцевать, второй – за то, что девушка, гулявшая с ним, не пошла за него замуж, убил ее зверски, сделал из черепа убиенной пепельницу и держал на столе для повседневной надобности.

Многие, наверное, видели по телевизору, как сочинскую красавицу Элю Кондратюк облил серной кислотой смеющийся себя называть человеком оглодыш за то, что девушка не согласилась стать его женой или любовницей. Он изуродовал ее прекрасное лицо, выжег глаза. Быть красивым и умным вообще сделалось опасно, невозможно жить на нашей земле – в разных концах России подобным образом изувечено уже пятнадцать девушек, чаще всего победительниц того или иного конкурса красоты, а газетенки профашистского толка подбавляют злобы, призывают к насилию.

Когда-то гений наш Гоголь Николай Васильевич от бездушия и безвыходности воскликнул: «Скучно жить на этом свете, господа!» Николай Васильевич и в дурном сне не мог представить, что на этом свете жить сделается не скучно, а страшно – до того, что живые начинают завидовать мертвым.

23 – 24 мая 2000.